

Автор предупреждает своих читателей, что у персонажей его романа не имеется реальных прообразов. Все характеристики, которые могут показаться читателю узнаваемыми, использованы автором исключительно в качестве элементов для создания вымышленного образа.

Глава 1

...Вот она, голубка! Пожалуй, он сделал правильный выбор. Она, конечно, кажется дурнушкой, — но если пригладеться... Какая нежная, сладкая шейка! Какой затылочек — круглый, плавный! Бездарный хвостик бездарных волос, но хороший парикмахер с ними управился бы вполне достойно... А подбородочек упрямый? Он весьма мил... Нос великоват, но не настолько, чтобы все испортить. И губы — они ему в прошлый раз показались тонкими, бесформенными, — а вот ведь ротик открыла, что-то говорит покупателю, так очень даже ничего... Она просто не умеет держать их так, чтобы выгодно смотрелись. Она много чего не умеет, эта крошка. Потому и сидит за кассой. Было бы ума побольше да нахальства, так уже давно крутила бы мужиками, как хотела. И носила бы и шубки дорогие, и колечки. И не за кассой бы сидела, а на мягоньком сиденье какой-нибудь машинки, дорогой и дурацкой... Да, у нее есть потенциал.

И она должна его подспудно чувствовать. И верить в глубине души, что рождена для лучшей жизни: ведь все дурочки надеются на чудо! Они не догадываются, что к той замарашке, которая целыми днями кастрюли мыла да крупу перебирала, только в сказке приходит фея и на халяву делает из нее принцессу.

Дурочки пообразованнее любят повторять, делая умно-возвышенное лицо: «сами придут, сами все дадут!»... И неведомек им, что Булгаков тоже сказку написал. В реально-

сти сами тогда приходили только люди в черных пальто, да *сами* только в лагерь отправляли.

Так что, милые мои, чудес не бывает, и халявы не бывает, а в принцессы выбиваются исключительно те, которые ничего не ждут и не просят, а зубками, локотками потихоньку работают, и губками, где надо, и язычком, который знает, где болтать, а где...

Но для тебя, кассирша, сказка случится. Настоящая сказка, в которой все на халяву. Вместо феи у тебя буду я — я назначил тебе сказку, как назначают диету.

Итак, внимание: оркестр уже играет прелюдию! Занавес ползет вверх!

Сейчас к нашей девочке подойдет мальчик. И спросит:

— Сколько с меня, девушка?

И, когда она поднимет глаза, он обалдеет и скажет самую большую в мире банальность:

— Какие у вас красивые глаза... Я таких никогда не видел!

И все получится, как должно. Она поверит. Ведь каждая дурнушка непременно за что-то уцепится. Даже если она страшнее крокодила, то будет считать, что у нее зато мизинец на левой ноге совершенной формы. И тот, кто похвалит ее мизинец, — тот и заполучит ее никчемное сердце!

Впрочем, все мы таковы, верно? Там не вышло — здесь добираем. Пенис в неисправности — будем всему миру доказывать свою интеллектуальность; интеллекта нет — будем брать хитростью или кулаком; кулака нет — будем трахать баб, кто больше; трахомет не работает — будем доказывать интеллектуальность... На колу было мочало — не начать ли нам сказочку сначала?

...Как всегда, отвлекся. Поток сознания. Если бы он вздумал писать в этом патологическом жанре литературы, похожем на произвольное мочеиспускание, то он затопил бы своим потоком всю планету. И еще для соседних галактик хватило бы.

Черт, опять отвлекся. Очередь уже подходит! Внимание!

Она подняла глаза от кассы:

— Двести сорок рублей ровно.

Перед ней стоял картинный блондин с ослепительной дежурной улыбкой на лице. Тоня сухо поджала губы: пусть себе сияет медным тазом, раз ему охота, — а ей до него дела нет!

Но невольно, но нечаянно ее взгляд чуть задержался на лице красавца. И тут его улыбка вдруг стала линять, медленно сползать, и вместе с ней и лицо его словно осунилось.

И он выдохнул:

— Какие у вас глаза... Никогда таких не видел...

Он помотал головой.

— Бррр... В них можно утонуть.... Вы ведь знаете, что в них можно утонуть? Вы, наверное, русалка? Утаскиваете неосторожных купальщиков на дно?

Голос его был необычайно серьезен. Тоня так растерялась, что только и могла молча глазеть на него. Подобного ей никто никогда не говорил.

— А там, на дне... — понизил он голос, сойдя до хриплого, прерывающегося шепота. — Там вы защекочете насмерть, да?..

...Все всколыхнулось в ней от этих слов, как темные водоросли на глубине, взметнулось мутным облаком песка со дна, поднятого рыбьим хвостом, — задрожавшим, забывшимся в экстазе от русалочьего счастья держать в руках гладкое человеческое тело...

...Что за бред! Тоня едва заметно выдохнула, сделала строгое лицо и выбила чек.

Но потрясающий блондин ей улыбнулся — и она невольно вместе с ним.

Он готов был держать пари: при словах о русалке все ее закишие в ничемности гормоны зашевелились, затолкались, задышали и, жадно хватая кислород, помчались, оголтелые, по сосудам. Ее девичья матка сжалась в трепетном

и сладострастном страхе, а затем решительно расправила упругие стенки и завибрировала, испуская волны, заставляя содрогаться каждую клеточку тела... Всего лишь на секунду, на крошечную секунду в глазах кассириши поплыл туман, затруднилось дыхание — и она сразу взяла себя в руки. Но он, он все успел увидеть, словно сидел внутри ее тела, словно стал ее частью. Это он плыл туманом в ее глазах, это он бежал гормонами в ее крови, это он разливался томными волнами в низу ее живота, это он хмелем ринулся в ее мозг!

У него на губах даже появился пряный вкус вина... Ах, какая прелесть! Ах, как он был прав, выбрав эту кассиришу!

Весь вечер Тоня вглядывалась в зеркало, пытаясь отгадать, что нашел в ее глазах блондин, заплативший двести сорок рублей в кассу. Глаза нормальные, ничего особенного. Она вся такая: ничего особенного. Не уродина, но и не красавица... Хотя мужчины, они женщин как-то иначе воспринимают. Вот недавно, к примеру, когда они у Галки смотрели телевизор, — Боря так загляделся на одну страшненькую, тощую, кривоногую девицу, что они с Галкой даже спросили, чего он в ней нашел. А Боряка ответил, что девица супер, что в ней есть класс и что они ничего не понимают.

Галка обиделась, а Тоня нет. Чего обижаться? Она не понимает, верно. Она же не мужчина. Им нравятся почему-то кривые ноги, и тут есть загадка. Ведь в теории все считают, что стройные ноги лучше, чем кривые, — и у Тони стройные ноги, но никто на них не заглядывается. И грудь у нее полная, красивая, Тоня иногда даже любит ее в зеркале. Говорят, что мужчины любят большую грудь... Любят? Но почему тогда не Тонину?

Нет, у мужчин есть какой-то секрет... Галка говорит, что фишка в том, как себя подавать. Но, спрашивается, почему надо себя *подавать*? Как блюдо в ресторане, что ли? На подносике? Декольте до пупа сделать, словно

витрина продуктового прилавка: а ну, налетай? Вот вам сосиски, вот вам колбаса?! Нет уж, увольте! Тот, кому понадобится, сам ее разглядит! Разглядел же тот, двести сорок рублей... Красивый парень, что и говорить. На такого девицы сами оборачиваются. А он — он разглядел ее, Тонины глаза! И, может, он еще снова придет...

Галка отнеслась к рассказанному эпизоду скептически:

— Да брось ты! Мужики знают, что женщин можно легко взять на комплименты, — вот и разбежались: пихают нам в уши невесть что! А ты уж прям и поверила!

— Борька твой что-то не разбежался, — хмуро заметила Тоня. — Все больше комплименты каким-то страшилкам отпускает. Да не им в уши, а нам с тобой! Вроде как хочет сказать, что мы ничего не стоим...

— Так ему же уже не надо меня завоевывать! — рассмеялась Галка. — Он меня уже взял, чего ему теперь напрыгаться... — Ее тон неожиданно сник и завис в воздухе тоскливой нотой.

Но на Тоню ее слова подействовали совсем иначе. «Завоевывать», — вот что она услышала! Раз блондин сказал ей такие слова, пусть даже пустой комплимент, — то, значит, он собирается ее завоевывать?!

— Ты бы видела, как серьезно он это сказал, — попробовала настоять Тоня, желая услышать от подруги что-нибудь обнадеживающее.

— Ой, да они все актеры такие! У тебя ведь опыта нет, ты не знаешь. А мне поверь: когда им от женщины чего надо, то целый спектакль разведут! ...А Борька — он просто больше не прикидывается, — вдруг добавила она. — Ему не нужно прикидываться, потому что он меня любит, и я это и так знаю!

И снова Тоня из всей Галкиной речи удержала только одно: «когда им от женщины чего надо». Значит, блон-

дину что-то надо от Тони! Надо! Он ее за-во-е-вы-ва-ет. Вот как!

И, значит, он снова придет!

...Прошла неделя, потом другая. Блондин все не шел. Тоня готова была поверить, что он ей приснился, если бы не двести сорок рублей. Они были слишком материальны, они, как якорь, прочно удерживали красивого блондина в реальности. Он существовал, и он сказал, что в ее глазах можно утонуть! От этих слов кровь билась в висках. Она чувствовала, как розовеют щеки, — совсем некстати, когда она обслуживала очередного покупателя, — а внутри тела начинал раскручиваться огненный смерч...

На третьей неделе Тоня сказала себе: баста. Галка права. Парень отпустил комплимент мимоходом и давно забыл о твоём существовании. И ты забудь.

Глава 2

Он выдерживал паузу. Пусть девушка промаринуется как следует. Он ходил украдкой подсматривать за ней. Он наслаждался ее тоскующим взглядом, которым она окидывала иногда торговый зал в надежде, что красавчик снова появится... Она томилась, она грустила, она вздыхала — и он ловил каждый вздох, поднимавший грудь невзрачной кассирши, высчитывая, когда будет «пора»...

Пока все укладывалось в самую примитивную схему: девушка здоровая, гормоны играют — а мужчины нет. Ей хочется «любви», эта дурь, к которой так склонны женщины. Она просто так в постель с мужчиной не пойдет — «секс» слово низменное, ей чувства подавай! А сама-то, милая, посмотри на себя: да кто же в тебя влюбится, в такую мымру? Ну же, открой глаза, глянь в зеркало! Приведи волосы в порядок, научись пользоваться макияжем, подтяни фигурку чуток, она у тебя ничего, но полнота уже наметилась. Работа сидячая, еще немного, и расползешься,

как квашня! Ну же, деваха, давай, ради своего блондина! Подними свою толстоватую попу, пошевелись! Товар надо лицом подавать, милая, неужто сия простейшая истина до сих пор не коснулась твоего девственного мозга?

Нет, куда там! Она так и сидела в своей кассе серым крючком вот уже третью неделю и ждала его. Делая вид, что не ждет. Поразительно просто: все все хотят на халаву. Даже любви.

До чего люди ограничены... Тоска. Может, зря он все это затеял? Что нового он может узнать о жизни, уже изученной вдоль и поперек, как рисунок обоев на прикроватной стенке?

Ладно, так и быть: продолжим. Вдруг все-таки чего и получится из этой затеи...

Он явился тогда, когда Тоня перестала о нем вспоминать. Подмигнул, как старой знакомой: «Привет, русалка!» Она тихо ахнула от неожиданности и немного покраснела: вся очередь посмотрела на него, а потом уставилась на Тоню. Наверное, подумали: «Русалка? Эта моль бесцветная?»

— Привет! — ответила она, стараясь не показать смущения.

Он стоял сбоку от кассы, красивый до обморока, и сверкал улыбкой.

— Как дела? Много жертв утащила за это время на дно?

...Можно подумать, она и впрямь такая роковая женщина, что мужчины немедленно превращаются в утопленников, и складываются в штабеля в жирном озерном иле, и лежат там, склизкие и зелененькие... Бррр!

Тоня поджала губы. Она не знала, как отвечать, и предпочла сделать серьезный, сосредоточенный вид.

Наверное, он догадался, что его шутка не слишком понравилась. Он наклонился и тихо спросил:

— Ты когда заканчиваешь?

В десять. Она заканчивала в десять, о чем, поколебав-

шись, сказала ему. И в десять он ждал ее у магазина. Она так этому удивилась, что даже отчего-то расстроилась.

— Меня зовут Кирилл. А тебя?

— Антонина, — строго ответила она.

— Пойдем посидим где-нибудь, Антонина? Тут недалеко есть летнее кафе...

— Зачем? — еще строже спросила она.

— Просто так! — удивился Кирилл. — Поболтаем! Ты чего-то боишься?

— Вот еще! — фыркнула Тоня и пошла с ним в кафе.

Он назначил ей встречу, потом другую. Что-то все-таки зашевелилось в ее мозгу: приделась, как могла, причесалась, даже губы подкрасила. Изменения скромные, почти незаметные, — но важно, что они были! Мужчина легко простит дурной вкус, нелепый макияж, вульгарное платье, но никогда не простит отсутствие желания ему понравиться. Антонина его выразила скудно, робко, — но выразила. Значит, игра стоит свеч.

Он рассматривал ее долго и внимательно. Он заметил все: и мурашки в вырезе платья, покрывшие грудь, — то ли от свежего вечернего ветерка, то ли от смущения; и как она отводила глаза, не умея выдержать мужской заинтересованный взгляд; и как теребила маленький дурацкий бантик, венчавший дурацкий, ханжеский вырез платья; и как нервно закладывала за уши выбившиеся из дурацкого хвостика пряди волос...

Он наслаждался. Он впервые наблюдал за женщиной. Раньше он втягивался с ними в отношения, а в них его интересовали только собственные ощущения и, в особенности, зоркая охрана границ своей неприкосновенной личности, за которые никому не позволялось переходить. Теперь же, свободный от этой заботы, он был независимым наблюдателем — и он жадно впитывал каждую деталь. Он был зрителем, и зрелище игралось только для него: он оплатил этот спектакль целиком, как оплачивают в поезде все купе за право не иметь попутчиков.

...Кирилл вел себя очень вежливо, ненавязчиво, ни на что не намекал, рукам воли не давал, — что Тоня очень ценила. Их встречи вечером в кафе потихоньку стали привычкой.

Он был по-прежнему мил и внимателен. Тоня не переставала изумляться. Он говорил: мне с тобой интересно. Он говорил: ты не такая, как другие. Он говорил: в тебе есть что-то настоящее. Он говорил: ты сама себе цены не знаешь.

Он говорил... И Тоня плыла на волнах неведомого блаженства. И соглашалась на новую встречу, хотя в груди было отчего-то тревожно и прохладно. Слишком они не равны, этот красавчик и она. Что-то в этом таилось неправильное... Но он был так нежен, так предупредителен, что ее страхи, мазнув бархатным крылом ночной бабочки по щеке, растворялись бесследно в темноте. О них легко забывалось, его восхитительное лицо было напротив, чуть размытое в сумерках, чуть растворенное в свежих и пряных запахах вечера, наполнявших веранду кафе, — и у нее возникало чувство, близкое к экстазу. Ей хотелось взять его в руки, как некую драгоценную субстанцию, и, соединив ладони, поднести это чудо к лицу, вдохнуть его, умыться им, — и потом спрятать его у себя на груди, возле сердца...

...Она так сурово недооценивала себя, эта глупышка, что ее чувство было больше похоже на религиозный экстаз. Следовало что-то с этим делать, причем срочно. Не хватало только, чтобы она начала молиться на него, фанатичка! Нет ничего хуже женщин, которые конвертируют свое неудовлетворенное либидо в духовные порывы.

Пора ее трахнуть и поставить, таким образом, вещи на свои места. Сломать ее ханжеское целомудрие — результат дурного воспитания — проще простого. Даже скучно. Он бы, пожалуй, предпочел потянуть...

Но нельзя. Ханжество — страшная вещь. Его опасно

прикармливать пищей для сомнений, иначе оно пустит метастазы. Все туда же, во мнимую духовность извращенного либидо... Поэтому следовало действовать быстро, не давая опомниться кассирше. Увлечь ее так, чтобы она забыла обо всем, чтобы она сама сломала собственное сопротивление и избавила его от этой нудной работы.

Еще неделя, максимум две, — сказал он себе. И от ее глупых страхов и сомнений ничего не останется, готов держать пари!

...Кирилл завоевал ее доверие в считанные дни, завладел ее мыслями и душой за одну декаду. И еще спустя неделю — ее телом.

Оказалось, что Тоня до сих пор не знала, что такое секс. Под этим прозаичным словом она понимала определенный физиологический процесс, который способен доставить определенное удовольствие. Без него можно было легко обходиться, как, скажем, без лишней конфеты, которые Тоня любила, но старалась от сладкого воздерживаться.

Но до сих пор она не могла себе даже представить, что два тела, соединившись, могут стать космическим кораблем, на котором душа улетала к звездам, чтобы напиться их энергии... Возвращаясь, Тоня светила их светом, и тихая музыка звезд исходила от нее, неслышная, как благодать.

Ее любовь к Кириллу стала всепоглощающей. Она попросту жила теперь им и была безмерно счастлива. Только одна мысль заботила и занозила: что он в ней нашел? Тоня непременно решила бы, что он альфонс, если бы она была богатой. Но она была нищей, а он, ровно наоборот, богатым! Красивый, нежный, щедрый — не мужчина, а сказка! За последнее время у нее появились вещи, о которых она не смела и мечтать. Изящное колечко с изумрудом, оправленным бриллиантами, два великолепных костюма из дорогих бутиков, золотой брас-

лет, — «это я тебя окольцевал, — шутил Кирилл, — чтобы ты от меня не сбежала!»

Как будто она могла сбежать! Как будто ей было куда бежать...

Но что же он все-таки в ней нашел?! Тоне очень не хотелось задавать этот вопрос: таких идиотских вопросов не задают! И все же не выдержала:

— Что ты во мне нашел, Кирилл?

Он молчал. Он задумчиво смотрел на нее. Он провел рукой по ее животу, снизу вверх, потом сверху вниз... Он очертил пальцем овал ее лица, потом прошелся по контуру губ...

— Ты великолепна, Антония.

Он почему-то звал ее так, на западный лад.

— И самое великолепное в тебе — это то, что ты об этом даже не догадываешься. Ты ничего из себя не строишь, ты не стараешься подать себя... Ты даже не знаешь, как мне это дорого.

Боже! Знал бы он только, как ей, ей это дорого!

Против всех ожиданий, в постели она оказалась на высоте. Она все делала всерьез, почти религиозно, — и в этом было нечто весьма притягательное. По крайней мере, это отличало ее от большинства девиц, которые отдавались с привычным равнодушием, уступая мужскому натиску в надежде, что из этого вдруг да что-нибудь выйдет поинтереснее: замужество или, на худой конец, подарок. Антония (так он ее прозвал ради экзотики) ничего не смела просить, даже мысленно. Она отнеслась как к чуду ко всему, что с ней происходило, и была безмерно благодарна кудеснику, который ей это чудо подарил.

Он подсматривал за ней, жадно впитывая в себя все перемены, с ней происходящие. Как налилась ее кожа ровным розовым цветом, как засиял овал лица, как иногда раздувались ноздри и вздымалась грудь, — видать, вспоминала их постельные утехы... Что ж, начало было положено удачно.

Теперь потихоньку, полегоньку будем двигаться дальше. Будем лепить нашу Галатею. Делать из этого нелепого чучела — женщину!

Глава 3

Тоня уже перестала задавать себе вопросы. Она часто ловила на себе внимательный взгляд Кирилла, словно он изучал ее до малейшей черточки, что-то обдумывая. Если она иной раз и спрашивала, почему он так ее рассматривает, ответ был неизменно один: «Ты мне нравишься». Поэтому она просто решила следовать мягкому руководству Кирилла. «В парикмахерскую? А ты думаешь, что имеет смысл? Нет, я не спорю, пожалуйста! В какую?»

Из парикмахерской Тоня вышла, сама себя не узнавая. Нет, это не она! Блестящие волосы, послушно легшие в изящную стрижку, приобрели новый оттенок — глубокий каштановый, с чуть вишневым отливом... Ее карие глаза вдруг засияли на этом фоне, и краски лица заиграли как-то особенно.

Кирилл затащил ее в модный парфюмерно-косметический бутик, где «специалист по макияжу» выбрала для нее подходящую гамму и научила пользоваться всеми хитрыми кисточками и карандашиками.

Тоня стала стесняться ходить на работу. Продавщицы провожали ее такими взглядами, словно она предала весь их трудовой профсоюз. Хотя на работу она по-прежнему не красилась, но прическа, но одежда, но ее новая осанка и цвет лица — этого уже нельзя было спрятать. А уж тем более счастье, которым лучилась каждая пора ее кожи.

— Они на меня так смотрят! — пожаловалась она как-то Кириллу. — Хоть больше не ходи на работу, и все!

— Завидуют, — улыбнулся Кирилл.

— Спрашивают, не завела ли я себе богатого любовника!

— А ты что?

— Ничего! Не рассказывать же им!

— Почему?

Действительно, почему? Тоня вдруг задумалась: что мешает ей рассказать коллегам об отношениях с Кириллом?

— Боишься, тебе не поверят?

— Наверное... И так смотрят презрительно: и кто же это на тебя, такую дурнушку, польстил?

— Ты не дурнушка. Ты красавица. Они это теперь тоже увидели, но не могут простить тебе этой перемены. Потому что ты изменилась, а они остались прежними... Что еще тебе мешает рассказать?

Тоня честно старалась понять. Уже не в первый раз Кирилл так ее выспрашивал: хотел знать все до малейшей подробности в ее ощущениях. Она удивлялась поначалу, но он объяснил, что хочет ее получше понять.

— И еще, как будто ты мой секрет. Такой, которым не делаться. Интимный.

— Хм... Ты стесняешься сказать обо мне? Ты меня стыдишься?

— Что ты, нет совсем! Это просто... Ну, как раздеться перед всеми. Понимаешь?

— Не очень, если честно... Мне незнакомо это чувство.

— А ты бы своим друзьям рассказал обо мне?

— Конечно. Что встретил потрясающую девушку, — Кирилл улыбнулся. — А что еще ты чувствуешь?

— Наверное, еще жалею их. Им обидно, что у меня есть счастье, а у них нет. И как будто я в этом виновата.

— Ты не виновата.

— Я знаю, но жалко же их... Если бы я стояла на раздаче счастья, я бы им тоже дала!

— Ты добрая девочка. Но они не стоят твоей доброты. Они-то тебя не жалеют, шипят тебе вслед! Почему же ты должна щадить их нервы? Чтобы они, не дай бог, не померли от злости? Так это их проблемы! Скажи им завтра же, что у тебя завелся поклонник, и пусть...

— Нет!

— Что — «нет»? — удивился Кирилл.

— Не хочу про поклонника. Это похоже на «богатого любовника». А ты не любовник и не поклонник! Ты... Ты просто мой любимый мужчина.

Кирилл ласково усмехнулся.

— Ну, хорошо, скажешь, что влюбилась. А на следующий день придешь нарядная, при полном макияже, и скажешь, что вечером идешь со мной в ресторан. Я зайду за тобой в магазин — пусть все на нас полюбуются.

— А зачем это, Кирилл?

— Ты должна понять, что ты имеешь право быть влюбленной, красивой, нарядной, богатой, счастливой... И это никого не касается. Ты никого не грабила и не обижала, верно? Тебе не в чем себя упрекнуть. А если люди зеленеют от зависти — то это их выбор. Это их бессонные злые ночи и их головная боль. Ты должна научиться не зависеть от чужого мнения, Антония. Только тогда ты станешь сильной.

— Я не умею так...

— Тут и уметь нечего! Ну-ка, вскинь головку гордо... Нет, Антония, не надо задирать подбородок к потолку! Я сказал «вскинь», а не «закинь»! Чуть-чуть, вот так, — Кирилл показал, и Тоня послушно повторила жест. — А лицо?! Что ты сделала с лицом? Впечатление такое, что сейчас заплачешь! Изобрази мне ироническую улыбку! Антония, с такой рожей Баба Яга собирается сожрать маленьких детей! Встань сюда, перед зеркалом. Видишь? Вот, вот, так уже лучше... Запомни эту улыбку — губными мышцами запомни. Закрой глаза... Запомнила? А теперь еще раз, не глядя в зеркало!

Он замучил ее, совсем замучил этой репетицией. Но Тоня, в конечном итоге, была Кириллу благодарна: она сделала столько открытий о своем лице! Оказывается, раньше она с ним была незнакома. Она и не представляла, что можно научить лицевые мышцы выражать то, что ей надо. И откуда Кирилл все это знает?

О, это было великолепно! Как мучительно она покраснела, вскинув головку и проговорив на очередные подколы товарок: «Нет, я не завела себе богатого любовника! Я влюбилась! Это разные вещи!» И краска залила даже ее шею.

А на следующий день, в своем нарядном платье, она была словно в кандалах. Едва дышала под жадными взглядами, пытаюсь сделать невозмутимый вид. А уж когда Кирилл, придя к концу смены, обнял ее за талию, то она прижалась к нему, как дрожащий пес, — так тяжело ей было выдерживать чужую зависть!

Ничего-ничего, Антония, тяжело в учении — легко в бою! Ты добрая, ты жалеешь даже тех, кто тебя обижает... Но ты просто не догадываешься, что твоя доброта есть не более чем трусость. Ты не умеешь постоять за себя, и потому тебе легче простить, чем дать достойный отпор. Но теперь мы с тобой начнем этому учиться. Будем развивать амбиции, жажду успеха. Дадим тебе его попробовать на вкус. Ты почувствуешь собственную цену. И вот тогда мы посмотрим, что останется от твоей доброты, от твоей жалостливости и легкой способности прощать...

— Они мне практически бойкот объявили! — пожаловалась она на следующий день Кириллу. — Разговаривают со мной сквозь зубы, не глядя, зло... — Слезы выступили у нее на глазах. — Что я им плохого сделала, Кирилл?

— Ничего, разумеется. Но именно в этом вся проблема: ты позволяешь себя обижать, поэтому тебя обижают. Ты должна изменить свой стиль поведения, Антония. Пора научиться смотреть на них свысока.

— Зачем?!

— Ты должна поставить их на место, унизив их.

— Но почему?! Это нехорошо, Кирилл, унижать людей!

— Они вступили в войну с тобой! У тебя не осталось выбора.